

Верховный Суд Российской Федерации

Северо-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»

**ЮРИДИЧЕСКИЕ ФОРМЫ
ПЕРЕЖИВАНИЯ ИСТОРИИ:
практики и пределы**

Коллективная монография

Санкт-Петербург

 Астерион

2020

Рецензенты:

Зубанова Светлана Геннадиевна (Москва), доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе Московского авиационного института (Национального исследовательского университета);

Харитонов Леонид Александрович (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

Коллективная монография подготовлена по результатам работы Международной научно-практической конференции «Юридические формы переживания истории: практики и пределы» (Санкт-Петербург: Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, 11-12 сентября 2020 г.), проведённой при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-011-20021.

Юридические формы переживания истории: практики и пределы : коллективная монография / Под ред. С.В. Бочкарева. – СПб.: Астерион, 2020. – 694 с.

ISBN 978-5-00045-914-0

Монография посвящена исследованию юридических аспектов официальной политики памяти в различных государствах, а также на международном уровне. Рассмотрены проблемы принятия в России и зарубежных странах так называемых мемориальных законов.

Для специалистов по теории и истории права и государства, истории политических и правовых учений, международному праву, юристов-отраслевиков, студентов юридических факультетов, а также всех, кто интересуется дискуссионными вопросами современной юриспруденции.

ISBN 978-5-00045-914-0

© Коллектив авторов, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	10
Глава I. ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	12
§ 1. Социальная память в структуре научно-познавательной деятельности: понятие, основные характеристики, подходы к классификации (С.В. Кодан).....	12
§ 2. Права человека в России как коллективная память (Л.И. Глухарева).....	27
§ 3. Историческая память: концептуализация и некоторые проблемы теоретико-правового осмысления (Е.М. Крупеня).....	37
§ 4. Мифологизация как способ переживания исторических событий (И.Б. Ломакина).....	48
§ 5. Взаимодействие государства и общества в процессе формирования и реализации официальной политики памяти: правовой аспект (А.Ю. Дорский)	53
§ 6. Историческая память как предмет конфликта между правом и идеологией (В.Г. Бондарев).....	58
§ 7. К вопросу о соотношении понятий «политика памяти» и «историческая политика» в контексте проблемы эффективности правового регулирования (Н.И. Алексеева)	64
§ 8. Политико-правовая идея как юридическая форма переживания истории в историографии истории политических и правовых учений (С.В. Малюгин)	69
§ 9. Introduction to the life, times and thought of Huig de Groot (Grotius) (1583-1645) / О важных фактах в деятельности голландского правоведа Гуго Гроция (1583-1645) (Ruth A. van der Pol / Ван дер Пол Рут Арпе)	81
§ 10. Воззрения Спинозы на формы государства (Ю.В. Субботин).....	93
§ 11. Отношение к закону и власти как национальный знак самосознания народа (на материале русской философии) (Л.М. Райкова).....	95
§ 12. «Право сильного» и божественная гармония в историософской поэтике Николая Гумилева (А.А. Чевтаев)	102

§ 13. Отражение юридической оценки событий российской истории в федеральном законодательстве в условиях цифровизации правовой сферы общества (<i>Д.А. Пашенцев</i>).....	114
§ 14. Юридические формы переживания цифровизации (<i>М.В. Залоило</i>).....	118
§ 15. Использование цифровых технологий для патриотического воспитания студентов в процессе преподавания истории отечественного государства и права (<i>А.А. Головина</i>).....	123
§ 16. Историческая память как фактор формирования образа будущего России: возможные правовые мероприятия (<i>Е.П. Цыплакова</i>).....	126
§ 17. Концептуализация понятия «историческая память» в контексте междисциплинарности (<i>Н.И. Башмакова</i>).....	131

Глава II. ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА И ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ

§ 1. Коллективная память в историко-правовой науке (<i>И.Л. Честнов</i>).....	142
§ 2. Проблема периодизации истории отечественной юридической науки в контексте взаимодействия научного знания и исторической памяти (<i>М.А. Кожевина</i>)	148
§ 3. Биографический подход в изучении социальной памяти (<i>Т.М. Баженова, С.В. Кодан</i>)	159
§ 4. Исторический опыт античных юридических практик в судебных делах о преступлениях государственных служащих (<i>Л.Б. Поплавская</i>)	165
§ 5. Судебные функции вече в Новгородской и Псковской феодальных республиках (<i>О.Е. Байкеева</i>).....	175
§ 6. Нормативно-правовые акты XVII – первой трети XIX века – источники Основных государственных законов Российской Империи (<i>О.М. Карамышев, М.И. Юдина</i>)	178
§ 7. Конъюнктура как фактор смены ориентиров в оценке исторических фактов (на примере официального отношения к принципам и институтам Великой судебной реформы в XIX-XX веках) (<i>Н.Н. Ефремова</i>).....	194
§ 8. К вопросу о периодизации эволюции правового статуса председателя суда общей юрисдикции в России (<i>Я.Б. Жолобов</i>).....	202
§ 9. Юридические нормы и нравственный закон в произведениях Ф.М. Достоевского (<i>А.В. Денисова</i>)	207

§ 10. Механизм формирования мирового суда в России второй половины XIX – начала XX века (<i>П.В. Захарова</i>)	219
§ 11. Проблемы эффективности правового регулирования семейных отношений в дореволюционной России (<i>Л.А. Кадырова</i>).....	227
§ 12. Особенности примирения сторон судебными и иными органами правосудия в условиях революции и утверждения советской государственности (1917- конец 20-х годов) (<i>В.А. Журавлев</i>).....	231
§ 13. Формирование судейского корпуса в РСФСР в 1920-1950-е годы: заявленные принципы и механизмы реализации (<i>Т.Н. Ильина</i>)	239
§ 14. Eugeniusz Waśkowski: one lawyer – two countries / Евгений Васыковский: один адвокат – две страны (<i>Paweł Cyran / Павел Сайрэн</i>).....	251
§ 15. Реконструкция «исторической памяти» о юридических буднях в период Великой Отечественной войны: проблемы и перспективы (<i>Т.В. Шатковская</i>).....	261
§ 16. Правовая регламентация сферы трудовых отношений в Советском государстве в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны (<i>Е.Д. Проценко, С.Е. Байкеева, Е.В. Мишина</i>).....	269
§ 17. Нормотворчество в сфере охраны авторских прав в советский период (50-70 гг. XX в.) (<i>В.В. Ефремова</i>)	281
§ 18. Уголовная репрессия: критический анализ в условиях современности (<i>П.В. Жестеров</i>).....	284

Глава III. МЕМОРИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

§ 1. «Переживание» истории в контексте государственно-правовых систем переходного типа (<i>Р.А. Ромашов</i>)	290
§ 2. Алеаторная демократия и проблема симулякров в правовой системе (<i>В.В. Денисенко</i>)	301
§ 3. Исторические вехи становления и развития конституционализма в Беларуси (<i>Н.М. Кондратович, Т.С. Масловская</i>).....	311
§ 4. Из истории возникновения высшего юридического образования и науки в предвоенные и послевоенные годы (<i>Ш.В. Тлепина</i>)	320
§ 5. Правовой режим объектов культурного и исторического наследия в зеркале правоприменительной практики (по материалам Калининградской области) (<i>С.В. Лонская</i>).....	335

§ 6. Мемориальные законы – кризисные явления в праве или их преодоление? (А.А. Дорская).....	340
§ 7. Проблема адекватности переживания истории: методологический, аксиологический и юридический аспекты (В.В. Балахонский, В.В. Припечкин).....	345
§ 8. Правовое регулирование интерпретации исторических событий: проблема целесообразности (П.В. Векленко).....	357
§ 9. Направление «memory studies» в историко-правовых исследованиях (общие тенденции и юридическая предметность) (К.С. Коровин).....	363
§ 10. Кризисные периоды в жизни общества и их влияние на развитие правовой системы (М.В. Игнатьева).....	366
§ 11. Кризис в праве как историко-правовая категория (на примере конституционной истории Франции) (С.В. Бочкарев).....	370
§ 12. Право на обращение в суд в цивилистическом и административном судопроизводстве: особенности законодательного регулирования от Устава гражданского судопроизводства 1864 года и до наших дней (Л.В. Войтович).....	375
§ 13. Дом, разделившийся в себе. Историческая память, национальная идентичность и общее право в США эпохи Гражданской войны (З.Н. Каландаришвили, В.А. Ковалев).....	389
§ 14. Трудовой подвиг: отголоски прошлого в правовой практике современности (Е.А. Драгомирова).....	397
§ 15. Закон СССР от 3 апреля 1990 года № 1409-1 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»: правовой анализ в контексте исторической памяти (Г.Н. Андреева).....	410
§ 16. Конституционное закрепление сохранения исторического наследия и памяти (Ю.Н. Гордиенко).....	423
§ 17. Право пользования родным языком в Республике Беларусь: влияние исторических процессов и современная ситуация (Т.М. Киселёва).....	428
§ 18. Проблемы ведения процедуры банкротства в странах Европы и мира (С.А. Джалилов).....	433
§ 19. К вопросу о правовой защите исторической памяти Второй мировой войны (К.М. Кравченко).....	442
§ 20. Федеральная целевая программа «Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019-2024 годы»: история создания, цели и этапы (Е.С. Урдина).....	446

§ 21. Особенности советской модели социальной деятельности и ее нормативно-правовое регулирование (А.Е. Рохмистрова).....	448
§ 22. Некоторые вопросы правового регулирования сроков давности в Уголовном праве Российской Федерации (Д.С. Зубрицкий).....	452

Глава IV. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА.....

§ 1. Право сотрудничества как юридическая форма солидаризации социально-политических общностей: теория, история, международное измерение (В.В. Трофимов).....	456
§ 2. Интервенция и вмешательство: новые смыслы и формы (И.А. Орлова).....	461
§ 3. Влияние свойств современной среды безопасности на определение содержания феномена «победа» и возможность применения норм международного гуманитарного права (С.В. Коростелев).....	467
§ 4. От концепции справедливой войны к «Формуле Радбруха» (С.В. Волкова, Н.И. Малышева).....	474
§ 5. Проблемы эффективности использования конвенций XIX века по охране интеллектуальной собственности (А.В. Алешина).....	484
§ 6. Формирование международно-правовых стандартов через интернационализацию прав человека (на примере конституционного процесса в годы первой российской революции) (И.В. Ботанцов).....	487
§ 7. Правовая охрана Великой Отечественной войны в памяти поколений от информационной агрессии Запада (О.В. Тепляков).....	492
§ 8. Проблемы эффективности использования международных обычаев в регулировании торгового мореплавания (В.А. Косовская).....	499
§ 9. Проблемы социально-правовой защиты ветеранов боевых действий (по материалам судебной практики) (Ю.А. Потапов).....	503
§ 10. Мирная сецессия: опыт скандинавских стран (Ю.В. Гинзбург).....	512
§ 11. Реконструкция конституционно-правовых механизмов предотвращения сецессии на примере стран восточно-европейского региона (Э.Э. Хащина).....	519
§ 12. Правовые аспекты противодействия террористической угрозе в конце XX – начале XXI веков в контексте преодоления кризисов в праве (российский опыт) (З.Ш. Матчанова).....	531

§ 13. Сохранение исторической памяти через призму обучения иностранному языку (А.И. Санина, Н.Н. Шестакова)	537
§ 14. Малая родина. (Ш. Абдуганиев)	542

Глава V. ПРАКТИКИ И ПРЕДЕЛЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СПОРТА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 545

§ 1. Международный опыт противодействия криминальным формам фанатизма болельщиков (Е.Н. Рахманова)	545
§ 2. Напоминание о трагедиях как отягчающее обстоятельство строгой ответственности клубов за поведение болельщиков (И.А. Васильев)	554
§ 3. Нормативно-правовые аспекты развития Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» в Российской Федерации: проблемы прошлого и настоящего (Н.С. Панчук, К.Н. Пашина).....	561
§ 4. Профессиональный спорт и проблемы уголовной политики (И.М. Клейменов)	568
§ 5. Противодействие организованной преступности в сфере спорта как историко-правовая проблема (Е.В. Топильская)	580
§ 6. Уголовная политика России в сфере спорта: уроки прошлого и современность (П.В. Цветков)	586
§ 7. Социально-правовые предпосылки регламентации уголовной ответственности за оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (Д.А. Безбородов)	594
§ 8. Теоретические вопросы квалификации причинения вреда жизни и здоровью спортсменов при проведении спортивных состязаний в исторической ретроспективе становления института обстоятельств, исключающих преступность деяния (А.Н. Берестовой).....	601
§ 9. Юридическая оценка употребления допинга и запрещенных химических веществ в легкой атлетике (В.Е. Смирнов, А.Н. Крутой).....	610
§ 10. Распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство спортсмена или подрывающих его репутацию, повлекшие нравственные переживания, способные повлиять на результат его деятельности: историко-правовой анализ (М.Х. Гельдибаев).....	615

§ 11. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья участников спортивных бойцовских единоборств: миф, реальность, необходимость? (В.Н. Сафонов).....	619
§ 12. Незаконный спорт: история регламентации ответственности за бои животных в России (Н.Ю. Филатова)	627
§ 13. Влияние совместной истории: регулирование ФИФА переходов (трансферов) игроков между футбольными ассоциациями Европейского Союза (А.А. Кашаева)	632
§ 14. Становление и развитие законодательства, регулирующего отношения в сфере спорта в России (В.А. Преблагин).....	637

Источники и литература	643
Авторский коллектив	687

Довольно активно оно применяется в дипломатических кругах. Так, С.В. Лавров назвал американский проект резолюции Совета Безопасности по Венесуэле в феврале 2019 г. имеющим цель «получения предложения для прямой военной интервенции»¹⁰⁵⁰.

В правовых актах и доктринальных работах в иных отраслях права используются термины «валютная интервенция», «интервенция в договорные отношения»¹⁰⁵¹, «государственная закупочная интервенция» и «государственная товарная интервенция»¹⁰⁵². Встречаются формулировки «идейно-политическая интервенция»¹⁰⁵³, «информационная интервенция»¹⁰⁵⁴.

В то же время в международных отношениях термин «вмешательство» по-прежнему применяется для характеристики действий субъектов международного права.

Будучи довольно широким и многоаспектным понятием, термин «вмешательство» приобретает все более негативное восприятие.

В правовой доктрине разрабатываются концепции правомерного вмешательства и теории легитимации вмешательства, которые проходят апробацию в практической деятельности государств, международных организаций и иных акторов международных отношений. Легитимация вмешательства, придание ему силы законного действия имеет своей целью, кроме прочего, решение вопроса международно-правовой ответственности за деяния в отношении других субъектов.

Формируются новые стратегии и механизмы действий субъектов международного права, в основе которых лежит «право на вмешательство». При этом авторы стараются избегать термина «вмешательство» в названиях стратегий, заменяя его фразами и словами, имеющими положительное восприятие (принуждение к миру, ответственность по защите, обязанность защищать и др.). Особую важность приобретает проблема легитимации вмешательства в случае внутренних вооруженных конфликтов.

Недостаточность международно-правовой регламентации и «туманная сфера деятельности»¹⁰⁵⁵ – вот что характеризует вмешательство.

Отсутствие единства среди государств в отношении содержания базовых понятий, таких как «агрессия», «интервенция», «вмешательство» приводит не только к различному толкованию основных принципов международного права, но и зачастую является оправданием неправомερных действий субъектов на международной арене.

¹⁰⁵⁰ Российская газета. 2019. 12 февраля.

¹⁰⁵¹ https://zakon.ru/blog/2018/5/7/intervenciya_v_dogovornye_pravootnosheniya_analiz_praktiki_verhovnog_o_suda_rf

¹⁰⁵² Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. N 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // Российская газета. 2007. 11 января.

¹⁰⁵³ Ежегодный доклад Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации (февраль 2018 г.) // <http://council.gov.ru/media/files/G6hNGZ3VbQNiMdZki1BKbrsvuRxPwim.pdf>

¹⁰⁵⁴ Халиуллин А.И. Информационная интервенция в отечественное уголовное законодательство // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2015. № 3. С. 88-90.

¹⁰⁵⁵ Хименес де Аречага Э. Современное международное право. М.: «Прогресс», 1983. С. 176.

§ 3. Влияние свойств современной среды безопасности на определение содержания феномена «победа» и возможность применения норм международного гуманитарного права¹⁰⁵⁶

Государства обладают возможностями по мобилизации значительных ресурсов и, соответственно, технологически доминируют при непосредственном военном столкновении с акторами – «не государствами». Современные противники государств должны искать любые нишевые возможности (проникнуться парадигмой «парадокса стратегии»¹⁰⁵⁷), которые должны заключаться в таком сочетании технологий и тактических приемов, которые позволяют им достигать своих целей, не попадая при этом в ловушку заведомо проигрышного традиционного военно-силового противостояния с государствами.

В настоящее время система государств, воплощенная в ООН, является «идеальной» институциональной оболочкой, позволяющей лишь в некоторых несущественных для национальных интересов случаях легитимировать присвоение международной ответственности. В реальной жизни система видов взаимодействий акторов современного неомогенного международного сообщества – стратегический континуум – представляет собой сочетание многополярности, многосторонности, фрагментированности и сетевой организации¹⁰⁵⁸ – в зависимости от распределения баланса сил и состояния государственного управления. Первые две парадигмы взаимодействия более характерны для описания поведения сильных государств, в то время как две последние характерны для территорий со слабым государственным управлением.

Отношения в такой системе по определению являются конкурентными и акторы в борьбе за власть для обеспечения своей безопасности используют следующие моды взаимодействия:

мирное сотрудничество¹⁰⁵⁹;

конкуренцию, не переходящую порога вооруженного конфликта¹⁰⁶⁰;

¹⁰⁵⁶ Данный параграф выполнен С.В. Коростелевым при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00156А «Легитимация вмешательства во внутренние вооруженные конфликты (международные правовые аспекты)».

¹⁰⁵⁷ См.: Эдвард Н. Люттвак. Стратегия: Логика войны и мира. Перевод с английского: Edward N. Luttwak. Strategy: The Logic of War and Peace. The Belknap Press of Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. 2003. / Русский фонд содействия образованию и науке – Москва, 2012. – 392 с. ISBN 978-5-91244-022-9.

¹⁰⁵⁸ См.: Global Strategic Trends. The Future Starts Today. Sixth Edition. Commonwealth of Australia. Vice Chief of Defence Force (15 November 2016), Future Operating Environment: 2035. P. 20.

¹⁰⁵⁹ Сотрудничество (кооперация) включает взаимовыгодные отношения между стратегическими игроками со схожими или совместимыми интересами. Хотя интересы акторов редко полностью согласуются, отношения сотрудничества поддерживают международный порядок, укрепляют коллективную безопасность и сдерживают конфликт.

¹⁰⁶⁰ Не переходящая порога вооруженного конфликта конкуренция существует, когда стратегические игроки рассматривают друг друга как конкурентов, но не как противников, имеющих несовместимые интересы. Конкуренты могут сотрудничать друг с другом или вести себя так, чтобы нанести ущерб интересам других стратегических игроков.

применение силы (вооруженный конфликт)¹⁰⁶¹.

В парадигме многополярности главными международными акторами являются наиболее мощные державы, которые образуют с другими государствами блоки либо на основе признания общих ценностей, либо по принципу географической близости. Сотрудничество членов блока осуществляется под руководством основной державы, а сами блоки конкурируют за власть и влияние.

В парадигме многосторонности государства продолжают оставаться наиболее влиятельными акторами мирового порядка. Характеристикой такого мира предполагается следование ответственному и добросовестному управлению, когда все государства должны полагаться на многосторонние институты для решения глобальных вызовов, определения правовых ограничений и разрешения споров.

В парадигме сетевой организации власть распределена между различными государствами и не связанными с ними акторами. Корпорации и руководители мега-городов являются основными негосударственными акторами, но при этом предполагается, что все акторы заинтересованы в сотрудничестве для эффективного реагирования на глобальные вызовы и обеспечения результативного управления в общих интересах.

В парадигме фрагментированности государства, корпорации, мега-города и не связанные с государствами акторы, включая оппозиционные движения и организованные преступные группы, конкурируют за власть. Сотрудничество в данной парадигме является редким явлением и к нему обращаются только в тех случаях, когда оно предоставляет актору преимущества для продвижения лишь его собственных, но не общих, интересов.

Существует три ключевых фактора¹⁰⁶², которые объясняют возникновение такой среды безопасности:

изменился баланс между глобальной и региональной мощью, означающий, что все больше участников могут бросить вызов статус-кво;

сформировались сложные взаимозависимости в рамках глобальной политической экономии, что означает, что государства в большей степени становятся более уязвимыми;

технологическая конвергенция привела к тому, что у большего числа акторов появились средства для причинения значительного ущерба противнику.

В такой реальности балансирование и доминирование супердержав, подобное тому, что существовало в дуополярном мире СССР-США во времена Холодной войны, в настоящее время становится невозможным. Не только в связи с появлением новой супердержавы – Китая, но и с возникновением глобальных акторов – «не государств», чьи возможности зачастую соизмеримы с мощью национальных

¹⁰⁶¹ Вооруженный конфликт предполагает использование насилия в качестве основного средства, с помощью которого стратегический субъект стремится удовлетворить свои интересы или отреагировать на провокацию.

¹⁰⁶² См.: Sean Monaghan. Countering Hybrid Warfare: So What for the Joint Force? PRISM Vol. 8, No. 2, Oct. 4, 2019. URL: <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/1979787/countering-hybrid-warfare-so-what-for-the-joint-force/>.

государств и их объединений. И поведение таких акторов уже не может быть предписано державами-победительницами по итогу войны. Они, напротив, могут самостоятельно определять себе цели и искать свое место в мировой организации, используя и комбинируя доступные им инструменты, в том числе саму среду системы национальных государств, глобальные институты, глобальную инфраструктуру. В каждый конкретный момент времени участниками взаимодействий могут оказаться акторы, существующие и действующие одновременно как в одной, так и в нескольких вышеперечисленных парадигмах.

При этом поведение государств является достаточно хорошо предсказуемым ввиду институциональных ограничений, которые были ими же сформированы в течение нескольких столетий развития современной системы государств. Государства признают такие ограничения как обязывающие и принуждают к их исполнению тех участников международных взаимодействий, которые допускают чрезмерные отклонения от ожидаемых стандартов поведения. А поскольку политическая цель ответственного правительства в любом случае должна заключаться в непрерывном обеспечении безопасности, с сохранением при этом высокого уровня жизни своих граждан и поддержки основных ценностей общества в условиях конкуренции за ресурсы с другими акторами, то обращение к вооруженному насилию, является хотя и нежелательным, но неизбежным элементом обеспечения стабильности международной системы и сохранения status quo.

В любой конфликтной ситуации поведение государств при движении к своим национальным целям может быть объяснено через то, как они *комбинированно и синхронизированно* (как часто определяется в настоящее время – «гибридно»¹⁰⁶³) применяют доступные им средства. В общем случае, данная парадигма описывается аббревиатурой MIDFIELD¹⁰⁶⁴: военные (military), информационные (informational), дипломатические (diplomatic), финансовые (financial), разведывательные (intelligence), экономические (economic), правовые (law), предоставление поддержки (development)¹⁰⁶⁵.

Относительная новизна дискурса о гибридном характере войны заключается в трансформации организации общественной жизни, которая соответственно привела изменению содержания понятия «объект применения силы». Новым объектам применения силы, в свою очередь должны соответствовать средства и способы,

¹⁰⁶³ Концептуально «гибридную войну» можно описать как ее как «синхронизированное использование множественных инструментов [национальной] мощи, специально подбираемых для получения взаимоусиливающих эффектов в отношении конкретных уязвимостей во всем спектре общественных процессов. См.: Patrick J. Cullen, Erik Reichborn-Kjennerud. MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Hybrid Warfare. A Multinational Capability Development Campaign project. Norwegian Institute of International Affairs. January 2017.

¹⁰⁶⁴ Joint Doctrine Note 1-18. Strategy. II-8. 25 April 2018. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/jdn_jg/jdn1_18.pdf?ver=2018-04-25-150439-540.

¹⁰⁶⁵ Так же представляется возможным предположить, что за исключением «военных» средств, все иные средства достижения национальных целей, в широком смысле, могут быть названы средствами ведения «политической войны».

которые могут использоваться актерами, конкурирующими за власть в четырех вышериведенных парадигмах взаимодействия.

Также к необходимости использования «гибридности» в борьбе власть акторы (государства – для достижения национальных целей) пришли в связи с возрастающей сложностью организации среды безопасности. С развитием глобализации и усилением экономической взаимозависимости, конкурирующие акторы получили доступ к информации о действительной мощи противника и у них появилось осознание того, что существование у противника с сильной военной организацией уязвимостей в «невоенных» сферах при синхронном использовании против него широкого спектра ненасильственных средств может изменить статус-кво даже без обращения к вооруженному насилию. Причем, одна из уязвимостей сильных держав заключается в том, что они связаны режимом международного права, установленного после Второй мировой войны. Данный режим налагает на государства обязанность проявлять сдержанность и вести политический диалог в сфере ограничения применения силы. Акторы – «не государства» такими обязательствами не связаны.

Исследование проблемы противостояния международных акторов с различными свойствами в любом случае должно начинаться с изучения поведения государств – основных элементов конструктора обеспечения международной безопасности.

В общем случае, изучение политики государств по обращению к силе начинается с исследования того, как эта практика описывается в терминах т.н. «триады» великого теоретика войны К. фон Клаузевица.

К. фон Клаузевиц определял «войну» как хамелеона¹⁰⁶⁶, в каждом конкретном случае меняющем свою природу. В соответствии с его определением предмет войны по своему общему облику (в отношении господствующих и сохраняющих в ней равновесие тенденций) представляет триаду, составленную из:

– насилия, как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать, как *слепой природный инстинкт* (свойства, присущие самой природе человека);

– игры вероятностей и случая, обращающих ее в арену *свободной духовной деятельности* (сфера приложения талантов военачальников и качеств вооруженных сил);

– подчиненности политике, благодаря чему она подчиняется *чистому рассудку* (сфера деятельности правительства)¹⁰⁶⁷.

Поскольку каждый из этих взаимозависимых и составляющих единое целое элементов триады имеет изменчивую природу, связанную со свойствами организации общественной жизни, то свойства предмета войны, очевидным образом, также

¹⁰⁶⁶ Клаузевиц К. О войне. — М.: Госвоениздат, 1934. Часть первая «Природа войны». Глава первая «Что такое война?» §28 «Вывод для теории».

¹⁰⁶⁷ Этот набор элементов иногда обозначается как «эмоция / вероятность / обоснованность»; иногда «насилие / вероятность и возможность / разумный расчет»; или, еще более абстрактно, «иррациональность / интуитивность / рационализм». См.: Christopher Bassford. Teaching the Clausewitzian Trinity: A Teaching Note. URL: <https://www.clausewitz.com/readings/Bassford/Trinity/TrinityTeachingNote.htm>.

динамичны. Поэтому поиск ответа на вопрос «какую войну мы ведем» является одним из важнейших действий органов государственной власти в процессе выбора и следования какой-либо модели поведения.

В эпоху развития К. фон Клаузевицем своей теории, кульминацией войны считалось решающее сражение, в котором цели войны (победа) достигались разгромом военной мощи государства. Но каковым должно быть содержание феномена «победа» в настоящую эпоху с совершенно иной организацией международной среды безопасности? Именно отыскание ответа на данный вопрос должно быть предметом всех сколько-либо глубоких исследований в сфере применения силы, в том числе, в международном гуманитарном праве (далее – МГП).

Во многом восприятие победы сегодня по-прежнему во многом основывается на анализе хода и итогов войн, которые велись в Европе в XIX – начале XX веков, мире унитарных и национальных государств, которые определяли свои политические цели в соответствии со сходно понимаемыми нормативными стандартами. Однако, несмотря на то, что большинство вооруженных конфликтов современности радикально отличаются как по составу участников и их свойствам, так и по стоящим перед ними целям, от войн прошлого, парадигма К. фон Клаузевица, которая развивалась на основе исследования наследия наполеоновских войн, и его методологический аппарат могут быть применены для описания, объяснения и предсказания течения современных конфликтов.

«Сам термин «победа» не так очевиден или разумен, как это возможно предположить. Теоретически, победа в войне может рассматриваться как объективная, рациональная функция оценки соотношения затрат, измеряемыми в потерях человеческих жизней, затратами ресурсов, ущербом инфраструктуре и т. п., и полученной выгоды, которая проводится в условиях новой политической реальности, созданной военными и политическими усилиями. Однако эту новую реальность можно считать победой лишь в той мере, насколько она соответствует ценностям и предпочтениям вступающей в войну стороны. То же самое верно и в отношении затрат: вопрос о том, какие затраты приемлемы, а какие нет, является глубоко субъективным и вновь вытекает из ценностей и норм общества, стремящегося к победе. ...[М]ы определяем победу как достижение определяемых государством политических целей войны в соответствии с его основными ценностями (закрепленными в его конституции и других основополагающих документах), и создание стабильной политической реальности»¹⁰⁶⁸. То есть, *в современной децентрализованной среде для акторов-государств победа должна определяться не как единичное событие, как во времена становления системы национальных государств, а как непрерывный процесс обеспечения безопасности при опоре на основные в данный момент общие ценности общества. Сохранение неизблемости ценностей общества на протяжении какого-то необходимого интервала времени является обязательным условием сохранения как отдельного государства, так и их системы в целом. А каковы*

¹⁰⁶⁸ Ami Ayalon, Ayal Hayut-man. Redefining Victory in Democracy's War on Terror. The Lawfare Institute. URL: <https://www.lawfareblog.com/redefining-victory-democracys-war-terror#>.

необходимые условия для заявления о достижении состояния победы для не связанных с государством акторов, для которых норма имеет другое содержание, не связанное с национальным интересом, признанием и международной ответственностью?

Представляется очевидным, что любая стратегия противостояния предопределяется существующими и вероятными условиями, является продуктом целей актора, сильных и слабых сторон его противника и характера среды стратегических взаимодействий. Она должна быть нацелена на те конкретные компоненты мощи противника, где победа ожидается наиболее вероятной.

Для акторов-государств ведение боевых действия в современном мире находится под сильным влиянием двух основных факторов: информационной прозрачности и ранее недоступного противникам разнообразия используемых средств и методов ведения противоборства. С точки зрения прозрачности сетевые технологии, средства коммуникации и социальные сети значительно увеличили поток информации и ограничили возможности государственного аппарата по ее контролю. Сообщения о ходе конфликтов проходят практически в режиме реального времени различными сторонами. В недалеком прошлом достижения на поле боя формировали, во-первых, стратегическое преимущество, во-вторых, информация об этом естественным образом оказывала влияние первоначально на органы государственной власти противоборствующих сторон и лишь потом на население.

В настоящее время информационная картина поля боя мгновенно транслируется не только лицам принимающим решения (далее – ЛПР), но и широкому кругу граждан, оказывая тем самым влияние на оценку справедливости конфликта населением и его давлением на выбор действий ЛПР, траекторию развития конфликта, и т. д., т. е. на содержание политики. В результате возникает динамика, в которой война между акторами-государствами и акторами – «не государствами» становится, в некотором смысле, реалити-шоу, где военные действия (в основном со стороны негосударственных субъектов) проводятся не для разгрома противника на поле битвы (поскольку это невозможно ввиду несопоставимости ресурсов), а скорее для апелляции к «справедливости» через производство наборов ярких пропагандистских образов, обращенных как к внутренней аудитории, так и вовне. Причем, влияние на формирование информационной повестки, по сути, является едва ли не главной стратегической задачей при обращении акторов – «не государств» к актам вооруженного насилия.

Также отличной чертой современных вооруженных конфликтов является то, что акторы – «не государства» организованы и действуют не в соответствии с единым планом ведения вооруженной борьбы, что характерно для государств, а опираясь лишь на идеологические установки, ценности и нормы; и, соответственно, имеют структуры управления, которые разительно отличаются от тех, которые существуют в централизованных структурах национальных государств. Как государства объединены в международные институты на основании следования общим ценностям (например, общего интереса в обеспечении

международной безопасности – ООН; ОБСЕ; общего интереса в верховенстве прав человека – Совет Европы, и т. д.), так и не связанные с государствами акторы могут быть объединены вокруг значимых для них ценностей, религиозных постулатов и пр. Свойственные таким объединениям сетевые структуры управления и идеологические установки «не допускают» возможности капитуляции и в каком-либо виде признания победы другой стороны, и приводят к тому, что акторы-«не государства» продолжают вести боевые действия даже после потерь такого масштаба, которые для формирований регулярных вооруженных сил национального государства могут быть политически не приемлемыми, и это может приводить к их выводу из боевых действий.

Стратегия противостояния с «сетевым» противником с бесконечным перемалыванием ресурсов заводит вооруженный конфликт в тупик и государства не могут победить в нем, поскольку для победы над противником – разгрома в «решающем сражении» в соответствии с парадигмой К. фон Клаузевица, им необходимо изменить глобализованную среду, в существовании которой они сами заинтересованы – расколоть ее на национальные фрагменты. То есть отказаться от преимуществ глобализации.

Поэтому «новый» тип войн представляет собой длящуюся борьбу с акторами – «не государствами» без фиксированной политической цели (а она не может быть константой, поскольку интересы как непосредственно противоборствующих, так и третьих сторон, изменчивы), то есть той конечной точки, которую мы могли бы определить как «победа», не существует. Победа государств в таком противостоянии – это настоящая и непрерывная реальность, заключающаяся в поддержании современного состояния стратегического континуума.

Поскольку не связанные с государствами субъекты, как правило, в военном отношении уступают государствам с их регулярными формированиями вооруженных сил, они стараются извлекать выгоду из информационной прозрачности современного общества, которая может как усиливать заведомо более слабую сторону конфликта, так и наоборот, ослаблять её. Однако, необходимо заметить, что когнитивное пространство в военном искусстве учитывалось всегда, да и само информационное противоборство не является чем-то новым. Так, например, Сунь-Цзы отмечал, что «самая лучшая война — разбить замыслы противника; на следующем месте — разбить его союзы; на следующем месте — разбить его войска. Самое худшее — осаждать крепости»¹⁰⁶⁹.

Если противостояние государства и актора-«не государства» осуществляется не в общих интересах системы государств, и, особенно, если конфликт не разрешен военным путем быстро и с минимальными затратами ресурсов, он неизбежно получит негативную политическую оценку в двух измерениях: международном, в котором успех измеряется легитимностью, и «домашнем», где он измеряется состоянием социальной устойчивости.

¹⁰⁶⁹ Сунь-Цзы. Искусство войны. Глава III «Стратегическое нападение», п. 2.

Применение силы, чтобы быть легитимным, должно осуществляться в общих интересах системы государств и при строгом следовании принципу проведения различия между комбатантами и гражданским населением. А социальная устойчивость, или способность общества эффективно функционировать во время кризиса и сохранять свои основные ценности, поддерживает моральный дух населения и его доверие к органам государственной власти, и, соответственно, позволяет государству направлять дополнительные ресурсы на вооруженное противостояние. И, как можно предположить, политической целью акторов – «не государств» является разрушение социальной устойчивости противника. На языке парадигмы К. фон Клаузевица, современная «гибридность» действий акторов – «не государств» в основном нацелена на подавление воли народа и, соответственно, способность его правительства принимать своевременные и адекватные политические решения либо до обращения к военному противостоянию, либо вообще без перехода к серьезной военной эскалации. То есть, например, вмешательство во внутренние дела государства с применением информационных средств имеет своей целью не те объекты, защита которых эффективно регламентирована нормами МГП, а социальную устойчивость, которая в свою очередь, базируется на ценностях народа. В такой ситуации можно предположить, что актор – «не государство» будет следовать ограничениям МГП только в том случае, если он имеет своей политической целью получение признания в системе государств.

Принятие этой новой парадигмы требует изменений в походах к политическому руководству применением силы, и, что очень важно, правовой регламентации ведения боевых действий, поскольку каких-либо критериев оценки последствий ведения борьбы в когнитивном компоненте информационной среды до настоящего времени не существует.

§ 4. От концепции справедливой войны к «Формуле Радбруха»¹⁰⁷⁰

«*Rex optima rerum* (Мир – лучшее из творений)», – таким старинным изречением на печати Кильского университета начинается всемирно известный немецкий правовед Густав Радбрух параграф «Война»¹⁰⁷¹ в своем фундаментальном труде «Философия права». Радбрух утверждал, что этика не годится для исследования проблемы войны с помощью методов, характерных для философских дисциплин, предметом которых является оценка человеческого поведения. По его мнению, вопрос о праве войны, о справедливой войне относится к философии права. Правовые теории войны ищут критерии справедливых войн в том, что они являются реакцией

¹⁰⁷⁰ Данный параграф выполнен С.В. Волковой, Н.И. Малышевой при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00528 «Концепт справедливости в современной российской правовой системе».

¹⁰⁷¹ Радбрух Г. Философия права // Радбрух Г. Философия права. М., – 2004. – С. 219.

на свершенное или предстоящее противоправное деяние, ответным ударом, вынужденным действием, необходимой обороной¹⁰⁷².

Современный исследователь К.Л. Сазонова указывает, что в историческом развитии концепции «справедливой войны» выделяются два этапа. Первый этап – собственно зарождение и развитие концепции в трудах таких выдающихся мыслителей, как Цицерон, Блаженный Августин, Фома Аквинский, Гуго Гроций, Франсиско де Виттория, Франсиско Суарес и др. Второй этап – это последние 50–60 лет истории международных отношений, когда название «справедливая война» сохранилось, а содержание концепции было изменено, причем именно в правовом ключе¹⁰⁷³.

Представляется, что венцом развития идей первого этапа является «Формула Радбруха». Поэтому так важно акцентировать ее генетическую связь с предшествовавшими концепциями.

При всем многообразии идей о войне и мире, причем не только в западной, но и в восточной правовой традиции, прослеживается основополагающее начало – апеллирование к справедливости¹⁰⁷⁴ как к соблюдению установленных правил ведения войны, ведению мирной политики, представлению о разрешении международных споров мирными средствами, добросовестному выполнению государствами обязательств, договоров, оказанию военной помощи и т.д.

Прежде чем начнут складываться идеи и концепции, появляются, правда, в «рудиментарном» виде, отдельные представления о войне. Так, например, Платон разделяет войны или конфликты на внутренние (междоусобные) и внешние, где первые характеризуются им как абсолютное зло, а вторые – как зло относительное, вынужденное. Есть два вида войны, говорит Платон, – первый вид, «который мы все называем междоусобием, ... самый тягостный; второй же, как все мы, думаю я, считаем, это война в случае раздора с внешними иноплеменными врагами; этот вид гораздо безобиднее первого» (Платон. Законы. 629d).¹⁰⁷⁵

¹⁰⁷² Там же.

¹⁰⁷³ См.: Сазонова К.Л. Концепция «справедливой войны» в современном международном праве // Журнал российского права. – 2014. – № 5. – С. 119.

¹⁰⁷⁴ Справедливость до сегодняшнего дня остается дискутируемым понятием. В частности, оппонент Г. Радбруха по многим вопросам Г. Кельзен, признавая справедливость относительной ценностью, писал, что «моей справедливостью является справедливость свободы, справедливость мира, справедливость демократии – справедливость терпимости» (Кельзен Г. Что есть справедливость? // Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право / Пер. с нем., англ., фр.; Сост. и вступ. ст. М.В. Антонова. СПб., – 2015. – С. 374).

¹⁰⁷⁵ Платон. Законы // Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т.3. М., 1994. Анализируя эти важнейшие правовые идеи Платона, В.И. Павлов выводит следующие характеристики правовых конфликтов. Во-первых, внешний (межгосударственный) конфликт хотя и является относительным злом, тем не менее условно допустим и является вынужденной необходимостью – в этом случае допустимым и необходимым способом его разрешения является война как защита своего Отечества. Во-вторых, приоритет в разрешении внутригосударственного конфликта безусловно отдается примирению как мирному способу его разрешения (Павлов В.И. Метафизические основания учения о юридическом конфликте в философии древних греков (Сократ, Платон) // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2010. – № 1 (19). – С.165, 166).